

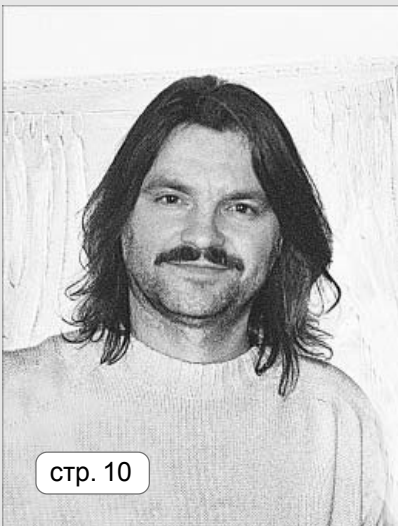
ЗЕМЛЯ ОБЕТОВААННАЯ

Церковь Последнего Завета

Июль №23 (619) 2008 г.

Сегодня в выпуске:

стр. 10

Школа Жизни

Глава... (46 год Э. Р.)1

Изучая Писание

«Искусство должно быть чистым, достойным...»6

Страничка живого общения

Игорь Гончаров: «Галерея поможет объединиться всем творческим людям общины!»10

Мудрость поколений

В. Г. Перов. Легенда о Счастье ...14

Школа Жизни

Глава ... (46 год Э. Р.)

двадцать шестого января Учитель вместе с Соней, Борисом, Вадимом прибыли в Петербург, откуда им предстояло вместе с художниками, участниками передвижной выставки «Духовный путь и искусство», отправиться в Таллин, где на третье февраля в одном из выставочных залов государственной библиотеки Эстонии было намечено открытие выставки художников сибирского духовно-экологического поселения.

2. Двумя днями раньше в Петербург приехал Николай Онищенко (Петербургский). Из Обители Рассвета Николай ехал через Москву, где оформлял бумаги на вывоз картин, составляющих выставку, за границы России.

3. Днём позже в Петербург приехал ещё один участник выставки, художник Игорь Гончаров, приехал вместе с женой своей Натальей.

4. Двадцать седьмого января Вадим сдал документы участников творческой группы в эстонское консульство для оформления виз.

5. На следующий день в Храмовом зале центра «Другой мир» состоялась встреча Учителя с теми, кто волею событий узнал о ней.

6. Фрагменты встречи, начавшейся со Слова Учителя.

7. «...Встреча пройдёт в таком же русле, как и все предыдущие встречи. Мне хотелось бы прежде услышать ваши вопросы, которые вы попытаете

сформировать, насколько возможно конкретно. Это так важно.

8. Если человек не может сознанием своим фиксировать то простое и конкретное, с чем сталкивается каждый день, то сам факт общения на уровне сознания в какой-то мере превращается просто в игру, где создаётся очень много разных иллюзий успокаивающих, но на самом деле к Истине мало относящихся.

9. Ведь из всего, с чем вы соприкасаетесь, вы в состоянии взять только то, что вы в состоянии понять, на что вы настроены. И если дать то, чего вы не можете понять и чего пока внутренне не ищете, не предрасположены к восприятию такой информации, то словесная игра на уровне сознания на самом деле не даст никакого богатства. Хотя у вас возникнет совершенно естественно иллюзия, что вы что-то поняли. Но это будет только иллюзия.

10. Сам процесс духовного развития – это непростое занятие. И творится он опытом жизненным, методом множества ошибок, которые вы пробуете понять. И конечно же, всю эту трудность нельзя исключить.

11. И самым благоприятным, что в этом случае может вам помогать двигаться через эти трудности, быстрее набираться мудрости, является только одно условие – чтобы вы не торопились осуждать в этот момент всё то, что вам непонятно (но то, что пугает, то, что настораживает).

12. Очень много страха накопилось у вас, у ваших близких. Этот страх воспитывался веками, создавались прекрасные для этого условия, по-своему прекрасные.

13. Поэтому этот опыт, связанный с испугом внутренним, боязнью, которая кормится неуверенностью, конечно, создаёт свои уже условия, позволяющие вам преломлять всю окружающую реальность очень своеобразно.

14. И соответственно, если вы боитесь, значит, внутри есть тяготение и предрасположенность оценить что-то как опасное для вас. То есть вы будете искать виновного. Опасность – это значит есть виновный, кто-то, кто может вам навредить.

15. Поэтому соприкосновение со всем, что может принести вам боль, переживания, настороженность, – это особенные, по-свое-

му благоприятные условия, которые рождают осуждение, очень опасное событие в жизни человека. Потому что тут же сразу включается обида на что-то из действий ваших близких.

16. А обида – это совершенно неграмотное восприятие реальности со стороны того, кто обижается. Потому что в этом случае он не принимает действия ближнего, он недоволен тем, что тот делает, и, более того, он готов оценить этого человека как какого-то нехорошего, пытаюсь дать ему какие-то ещё дополнительные нехорошие названия.

17. Поэтому опыт жизни придётся набирать через множество ошибок, трудности очень многие, и этого вам не избежать.

18. Улучшите условия духовного постижения, исключив обиду в себе! Не обижайтесь ни на кого, не пытайтесь дать оценку, что какие-то действия сделаны неуместно, не так, как вам хотелось бы, а значит, как будто бы неправильно. Всё делается так, как этому надо делаться.

19. Это не значит, что Бог любит какие-то нехорошие поступки и позволяет этому быть. Так нельзя это рассматривать. Есть вынужденность, которую нельзя обойти и нельзя обходить. Её надо правильно пройти.

20. Если эта вынужденность рождается, её надо правильно оценить, надо, значит, изменить характер своего поведения, восприятия. И эта вынужденность исчезнет, в ней нужды не будет: некого будет учить.

21. Поэтому прежде всего надо в себе как раз и посмотреть самые главные такие корешки, которые мешают вам познавать счастье. А всё для счастья у вас есть.

22. Бог всегда рядом с вами, где бы вы ни были, в каком бы состоянии вы ни находились. Он всегда близок к вам очень. Может это быть каким-то недостаточным обстоятельством в вашей жизни, которое может омрачить вашу жизнь? Нет, это самое большое, что уже есть у вас.

23. А всё остальное... оно может быть – может не быть. Но оно не должно так круто играть какую-то значимую роль в вашей жизни.

24. Поэтому уметь быть благодарным за всё, что вы видите, с чем соприкасаетесь, – это та мудрость, которую очень важно уметь приоб-

рести. И научиться выражать благодарность жизненно важно.

25. А жизнь у вас очень непростая (если уж так её посмотреть с разных сторон), испытаний очень много, соблазнов очень много, и с каждым разом они, казалось бы, всё больше растут.

26. Это тоже характер времени, своя неизбежность, но которую нельзя обходить. Её надо будет пройти. Хотя кто-то может не выдержать как будто бы, может сорваться. Но это тоже некоторая неизбежность, которая должна быть.

27. И тут важно, кто сколько сил торопится отдать в познании Истины, в стремлении сделать правильный шаг. Если вы все имеющиеся силы отдали (и пусть их у вас очень мало, но вы отдали их все), вы победили на этом отрезке жизни, который вам дан.

28. И пусть (на ваш взгляд, может быть, или на взгляд ваших близких) вы сорвались в чём-то, это не значит, что вы проиграли. Вы победили, но просто дальше началось событие, которое явно было вам не под силу. Но всё, что предстояло непосильному, вы достойно преодолели.

29. Это как раз от вас и ожидалось. А значит, в целом в мире события пойдут гораздо лучше, чем они могли бы пойти, если бы вы не сделали этого.

30. И вам будет трудно оценить на самом деле, удалось вам что-то сделать или нет. Это обстоятельство, которое сознание человека не в состоянии увидеть во всей его широте, глубине.

31. Поэтому всё упрощается простыми подсказками: не судите близких, не торопитесь расстраиваться от того, что они делают, хотя, может быть, это в какой-то мере и неприятно. Не заостряйте своё внимание на этом неприятном. Это нужно, нужно по очень многим причинам. И надо уметь терпеть, надо уметь понимать происходящее.

32. Ведь если ваши маленькие дети или дети ваших друзей чего-то не умеют, вы же не ругаетесь за всё, что они не умеют делать, вы же не переживаете по очень многим моментам, которые они не умеют сделать, понимаете, что они и не могут по-другому. А ведь вы спокойны в этом случае в отношении детей потому, что вы понимаете их.

33. Вот это ваше умение понимать то, что делают ближние, и должно принести необходимое равновесие внутри вас, создать условия благоприятные для хорошего отношения к тому, что рядом происходит, для правильного отношения. Вы должны отнестись с пониманием.

34. Встречаясь с кем-то из ближних, вы стараетесь его понять: почему он так делает? У него ведь есть некоторые особенности, которые он пока не в силах преодолеть, и для него определённое действие становится естественным.

35. Значит, относясь к нему с пониманием, вы обыгрываете ситуацию. Но вы разрешаете ему быть таким, какой он есть. Вы с пониманием допускаете ему деятельность какую-то, которую по-другому он сделать не может. Вы понимаете его и спокойно, насколько этому в данном случае будет помогать ваш духовный мир, стараетесь к этому отнестись.

36. А когда вы с ближних требуете то, что сами считаете правильным, это ведёт к агрессии. В этом и заключается вся сложность, как правило, в общении людей друг с другом, в их неумеренном таком, ненормальном стремлении друг другу помочь. Они хотят навязать друг другу то, чего ближний не в состоянии понять.

37. Вы начинаете торопиться говорить там, где вас не спрашивают, и вы переживаете, почему вас не слушают. Ведь вы сочли необходимым донести и вы уже посчитали, что вы должны донести что-то ближнему. Иначе, если он это не услышит, вы считаете, это будет хуже для него.

38. Но это вы так считаете! А это уже агрессия своего рода. В желании помочь ближнему, как правило, ставится подножка, потому что вы навязываете то, что он не в силах взять.

39. Вот так очень многое происходит в обществе. Поэтому там, где стараются навязать что-то в условиях, где об этом не спрашивают, это опасное явление, это серьёзная такая агрессия, рождающая страх и прочие, прочие явления, омрачающие вашу жизнь.

40. Учитесь понимать происходящее, всё, что вас касается. Отнестись ко всему этому нужно с пониманием. Поэтому, пробуя это сделать, вы и сделаете как раз всё

то, что от вас требуется. У каждого из вас это получится особенно, как-то по-своему, и это тоже будет нормально.

41. Вот эти главные простые условия очень важны для того, чтобы сейчас вам суметь идти дальше. Здесь при таких обстоятельствах не требуется каких-то ещё глобальных познаний в области строения мира, таких больших вопросов, которые, как правило, по невежеству человек торопится прежде всего познавать, уходя от главного, от того простого, что мы сейчас в какой-то мере оговорили.

42. Много говоря о красивом, о чём-то очень большом, каждый день человек обижается, он осуждает кого-то, он вечно недоволен тем, что делают ближние.

43. А когда этого недовольства много (и вы можете обратить на это внимание), то и жить не хочется. И многих из вас время от времени посещают эти мысли, что жить как будто бы и неинтересно, и не хочется, как всё грустно и сумрачно.

44. Надо менять свой взгляд, как бы трудно ни было. А трудно будет, и трудность увеличивается, потому что она уменьшится может только в одном случае: когда большая часть живущих на Земле начнёт правильные усилия делать, изменяя в себе отношение к реальности, и когда вот этот положительный взгляд на реальность начнёт преобладать. В этой связи он начнёт гасить негативные проявления психических энергий человека более слабого.

45. Но этого пока мало. Наоборот, в большей мере проявляется негативная энергия. Она реальна сейчас в жизни человеческого общества, её надо уметь трезво, правильно оценивать.

46. И будет очень глупо думать, что, собравшись где-то в отдельные кружки единоверцев, вместе как-то подумав о хорошем, можно значительно это всё изменить. Нет, это не так-то просто. Очень непросто!

47. Насильно невозможно никого спасти. Можно пробовать создавать благоприятные условия, но, если внутри человек начнёт искать Истину именно так, как это требуется делать, а не как ему вздумается от очень разгорячённого, неуравновешенного внут-

реннего состояния, только тогда начнёт изменяться что-то в хорошую сторону.

48. Поэтому события, которые разворачиваются, имеют свою неизбежность, и они должны будут увеличиваться дальше в своих красках, сочности, масштабах.

49. Потому что нельзя быть верующим, только лишь крича о вере и только лишь регулярно исполняя какую-то обрядную часть проявления своих внутренних потребностей восславить Бога только лишь песнопениями, движениями какими-то, которые вы видите красивыми, поэтичными. Это хорошая часть ваших таинств жизненных, но она не главная.

50. Главное – это как вы встречаетесь друг с другом на улице, на работе, дома, в любых местах, которые ожидают вас каждый день и где вы друг с другом встречаетесь, как вы друг о друге думаете, как вы общаетесь, что вы говорите друг другу. Вот там свершается главное таинство. Славите ли вы Бога там? А вот это большой вопрос.

51. Ведь именно этим вы занимаетесь большую часть времени, если сравнивать в отношении того, что человек может выразить, приходя в храм. Он побудет там лишь какую-то маленькую часть времени, а всё остальное он служит вне храма, служит как будто бы Богу. И вот эту часть времени как вы проводите?

52. Когда выражаете вы своё недовольство ближнему, думаете ли вы, вспоминаете ли вы, что сейчас у вас есть возможность славить Бога? Правильно ли вы воспользуетесь этой возможностью? И действительно ли вы думаете, что вы славите Бога, ругая кого-нибудь, активно выражая своё недовольство? Но ведь это же минуты славления!

53. Вот так очень важно посмотреть всю свою жизнь, каждый день. И так должен вести себя именно верующий, и именно верующий в основе своей будет проходить наиболее благоприятно условия, в которые вы всё больше вовлекаетесь. Не тот, кто прикрывается словами о Боге, а тот, кто каждым своим шагом выражает доброе к ближним, терпеливо, с пониманием.

54. На этом и будет строиться спасение человеческому роду. Поэтому очень важно не забывать этого самого главного.

55. И сейчас, переходя дальше к вопросам, вы, конечно, можете в вопросах коснуться очень много ещё разных оттенков своей жизни и проблем, с которыми вы сталкиваетесь (это мы, по возможности, сейчас посмотрим), но то, что Я сказал вам вначале, является самым важным.

56. И если Я вам это сказал, не забудьте об этом. Это не случайно. Это сейчас главная слабость, которая очень активно проявляется. Всё остальное будет ходить вокруг этого. Все ваши вопросы, которые вы сейчас зададите и которые будут зачитаны, будут ходить вокруг этого главного...»

57. Среди ответа на большой эмоциональный вопрос о трудностях оказания помощи ближнему, у которого развивается психическое нездоровье, Учителем было сказано:

58. «...Нельзя будет его спасти, если он сам круто не начнёт менять свой взгляд на окружающую реальность. Так же, как и миллионы людей на Земле, которые находятся в аналогичных ситуациях, и это у них прогрессирует дальше.

59. Это достаточно непростое явление. Но именно они должны поменять многое в себе. Они сами!

60. Поэтому ближним во многом останется только лишь пробовать терпеливо многое воспринимать, пробовать создавать какие-то вспомогательные условия. Но они не спасут их, если эти люди сами не сделают правильных усилий.

61. Поэтому нельзя остановить это время. Его невозможно остановить, невозможно остановить развитие этих событий. Это как естественное явление, как естественные плоды всех тех семян, которые бросались долго и упорно. Невзирая ни на что люди упорно бросали зёрна, ядовитые зёрна.

62. Теперь надо быстрее многое переосмыслить, потому что события развиваются в какой-то мере, может быть, даже лавинообразно. Надо быстро поймать себя и, оценивая происходящее достаточно правильно, удержать себя в руках. Не заострять своё внимание на каких-то моментах, которые, опять же, вас пугают, настораживают и которые прежде связаны с вашим личным желанием что-то поменять.

63. Но вы не знаете, можете ли вы это вообще изменить. У вас

есть просто желание, и, раз оно не исполняется, это тоже соблазн расстроиться.

64. Умение не погрязнуть в этих расстройствах (потому что их очень много может быть, потому что многое развивается не так, как вам бы хотелось, очень многое) – вот это будет немаловажно.

65. Иначе, – даже если вы имеете хоть какие-то возможности действительно играть положительную роль в развитии человеческой жизни, – погрязая в таких переживаниях, которых может быть очень много, вы сами сорвёте свои собственные силы и даже то малое потеряете, что имеете.

66. Поэтому умейте накопить, увеличить, умножить то хорошее, что у вас есть. Иначе через неправильные усилия у вас заберётся и то, что вы имеете. А могли бы иметь и дальше умножать. Но это уже от вас будет зависеть.

67. Так что – терпение! И, не впадая в панику, стараться решать так, как на этот момент времени видится возможным решать. Вот так старайтесь проще взглянуть на многое. Это должно будет помочь немножко успокоить ваши переживания.

68. Потому что просто убрать у вас переживания неверно будет. Сказать вам, что всё в руках Божьих, а вы радуйтесь и живите, только смеясь, – это будет неверная подсказка. Трудно будет так радоваться.

69. Это нормальное состояние – когда вы можете сопереживать. Тогда вы ближе человеку, которому сопереживаете.

70. Но если вы неправильно включаете сам процесс переживания и проявляете требования – вот это может навредить ближнему, вот это опасно.

71. И борясь с требованиями, будет неправильно полностью убрать способность сопереживать ближнему. Если не сопереживать ближнему – значит не чувствовать его боль. Если не чувствовать его боль – вы не будете в состоянии оценить момент, где вам надо оказать ему помощь (вы же её не почувствуете!). Так можно многое свести к большим неприятностям в борьбе над собственными переживаниями.

72. Поэтому в какой-то мере вы, как дети Божьи, обречены на переживания на данный момент времени, пока так много неприят-

ностей ещё ближние ваши делают. Вы будете сопереживать, это нормально.

73. Но не погружайтесь в эти переживания, потому что на самом деле помочь ближнему вы можете, подбодрив его. А если вы подойдёте с таким расстроенным выражением лица, то подбодрить вам будет трудно его.

74. Поэтому это уже ваша задача, как более сильного на этот момент времени, – самого себя взбодрить, правильно оценить ситуацию и подбодрить ближнего, поддержать его, придать ему уверенности в собственных силах. Вот это ваша задача.

75. Поэтому не бегите от переживаний, полностью от них вам не надо убежать. Они нормальны. Это очень тесный контакт ваш с вашими ближними. Когда вы так будете близко чувствовать друг друга, вы на самом деле всегда будете чувствовать, что кому нужно и кому вовремя надо прийти на помощь. Вы всегда почувствуете это.

76. И даже если ваше сознание не успевает фиксировать какую-то информацию, связанную с необходимостью оказать помощь, это не будет помехой. Вы чувственно пойдёте туда, куда и надо пойти, в тот период времени, когда и надо было туда прийти, и окажете нужную помощь. Это особенное таинство в жизни человека, и уметь вот так чувствовать друг друга очень важно.

77. Но если вы открываетесь в чувствованиях друг другу, конечно же, сейчас вас может захлёстывать переживание, потому что со многими ближними вашими, родными, которых вы любите, которые вам близки, происходит много нехорошего, много тяжёлого. Открываясь к этой тяжести, вы будете её чувствовать, её будет много.

78. Не бойтесь! Вам надо суметь справиться с этим бушующим ураганом, удержать себя, взбодриться верой своей, вашим пониманием священного таинства и уже дальше сделать правильные усилия, которые больше будут похожи на волевые усилия, где вы пойдёте и поможете взбодриться ближнему.

79. Но вы должны будете найти правильные слова, добрые, где-то даже, может быть, твёрдые, которые призваны взбадривать, поддерживать, и помочь ближнему. Это очень важно учиться делать.

80. Поэтому с этим всем океаном разных страстей вам надо правильно разобраться. Не пугаться его и не пытаться от него как-то отключиться. Это неправильно будет. Не надо будет отключаться, иначе вы перестанете чувствовать друг друга очень близко.

81. Ведь Бог в каждом из вас. Пытаясь искать Бога вне людей, вы не найдёте его. Ваша душа соткана из частиц Бога, значит, найти Бога вы можете, правильно всматриваясь друг в друга, приближаясь друг к другу с пониманием, открываясь друг перед другом.

82. Хотя вы становитесь в этот момент очень уязвимыми. Но это надо сделать. Такова, опять же, задача ваша, и именно этот путь поможет преодолеть вам многие страхи. Это надо сделать, потому что только так можно набраться духовной силы.

83. А если вы уйдёте друг от друга, просто как-то отдельно ища Бога... Ну, если, конечно, кто-то видит это для себя важным, пусть ищет. Значит, пока ещё ему нужно это искать именно таким образом.

84. Но если вы хотите познать больше и глубже эту истину, то не надо так искать – уходя друг от друга. Бог в каждом из вас. В целом нельзя сказать, что вся Его личность, всё Его естество в каждом из вас. Нет. Но частица Его разложена в вас всех.

85. Бывает, вы смотрите какую-нибудь сказку, где есть такие своеобразные пароли: берут какой-то ключ, который отмыкает удивительную дверь, замок, но этот ключ делится на множество частей, раздаётся отдельным людям. И кто-то, какие-то герои пытаются собрать эти частички вместе, чтоб этим ключом открыть дверь, открыть какой-то таинственный замок.

86. А вот и представьте, что ключ к вашему счастью разделён на столько, сколько вас существует на Земле. Соберите эти частички в одно целое, соедините их – и вы откроете дверь в счастье. Вот это простое таинство надо сделать.

87. Но надо сначала понять, что оно именно такое, чтобы частички ключа вы не искали по-другому, не создавали образ какого-то уже мифического ключа, которого не существует (но вы его пробуете искать, придумывая себе всё новые какие-то иллюзии).

88. Частички ключа – это вы. И вы должны соединиться в одно целое, крепкое целое, монолит. А это возможно только в одном случае – доверие, полное доверие друг другу. Только тогда ваши души соединятся максимально.

89. Но сначала полное доверие вызовет страх, оно обнажит страх, потому что вы боитесь друг друга.

90. И вот решая эти проблемы, которые связаны конкретно с тем или иным страхом, вы начнёте движение друг к другу. И чем меньше этого страха будет оставаться, тем плотнее вы будете сливаться друг с другом, создавая единое целое. Вот он – путь спасения.

91. А вот теперь над этим надо поработать. И хотя Я, улынувшись, сказал: «Простая такая вот тайна», в реализации она, конечно, очень непростая.

92. Потому что страхов, оказывается, так много! И вы так боитесь не только ближних, а даже боитесь себя. Вы даже не доверяете себе. Какое уж там доверие ближнему! И тут получается огромнейшая задача. Но её надо решать.

93. И время пришло для того, чтобы очень активно многое вскрыть. Потому что это надо. Надо, чтобы активизировать ваши движения в поиске Истины как можно полнее. Это крайне необходимо! Поэтому и развиваются события таким своеобразным, может быть даже мрачным каким-то, образом. Но этому надо быть. Просто надо.

94. Надо пробудиться от многовекового сна, где все спали на самом деле, Им казалось, что они такие верующие. А тут надо будет проснуться и посмотреть, что, оказывается, верующим-то он был в иллюзии, где-то во сне, где-то в каких-то внутренних тайных пожеланиях души.

95. Потому что в глубине своей вы все хотите быть достойными детьми Бога. Но по ряду разных обстоятельств пугаетесь, начинаете капризничать, бороться с Богом даже, находя какие-то оправдательные своеобразные лозунги для этого, возвышенные.

96. Но это просто детский испуг. Его надо преодолеть и по-настоящему, на практике, в жизни, по факту уже научиться быть верующими. Но чтобы этому учиться, нужны и уроки соответствующие, которые к этому ведут, помогают это сде-

лать. С этими уроками вы сейчас обильно сталкиваетесь.

97. Так что, опять же, будьте внимательны, внимательно оценивайте, что же происходит с вами. Какой в данном случае конкретный страх у вас выходит? Какая именно неуверенность вас пугает? Ваша собственная неуверенность? Чего именно вы боитесь что сделать не сможете?

98. На эту тему надо учиться размышлять, чтобы быстрее понять: а вообще, в принципе-то, вы действительно считаете, что это можно сделать (из того, что вам хочется сделать)? Ведь бывает именно так, что вы этого сделать не в состоянии, а вы продолжаете преследовать невозможное.

99. То есть, умея осмысливать очень многие вещи трезво, вы уже одним этим можете немало себя успокоить. Но это надо учиться делать.

100. Когда вы просто эмоционально что-то описываете, это опасно для вас и для ближних, потому что вы легко можете зажигать переживанием ближних. Вы создаёте такой эффект толпы, когда один эмоциональный может легко разжечь эмоции аналогичные в ближних, и это, как пламя, начинает быстро разгораться.

101. И чем больше людей рядом находится с этим человеком, тем более хаотично может проявить себя это переживание. Очень большое может быть переживание, это стихийное может быть какое-то проявление, очень опасное в конечном итоге.

102. Поэтому нельзя так просто выражать эмоции, надо стараться прежде понять, что у вас происходит, чтобы перейти к более простым вопросам.

103. Потому что, когда вы пытаетесь выразить всю ситуацию, у вас опять же проявляется страх. Вы боитесь, что вас не поймут, вы стараетесь очень много сделать описаний.

104. Не торопитесь сразу решить многое. Хотя бы одно маленькое, но правильно решите, и это будет конкретное движение в нужную сторону.

105. Стараясь решить многое, вы не сможете сделать даже маленького шага в нужном направлении. Это будет невозможно. Поэтому не торопитесь сразу многое сделать».

Окончание в следующем выпуске

«Искусство должно быть чистым, достойным...»

Учитель о роли искусства

«Королева искусства – живопись, а кто король? Спор Леонардо и Микеланджело... Рисунок может быть королём, ведь он входит и в живопись, и в скульптуру, и в прикладные искусства. Он – как стержень, как король. А королева украшает, как женщина; обычно мы говорим: женщина нас украшает», – сказал Николай Шушенский.

«Можно и так сказать.

А можно сказать, что Король – это Истина, на основе которой формируется творчество, не только ремёсла, а вообще творчество.

Ибо на рисунке музыка не может формироваться. Для композитора уметь рисовать – не так обязательно. А Истина – обязательна.

И получается: Истина – это Король. А всё украшающее, обрастающее основу, стержень, – это женское, красивое, природное. Это королева.

Поэтому вы сформируете мужское начало, а потом приступите к женскому. И оно будет красиво».

«На мой взгляд, нам необходима должность человека, который будет организовывать, отвечать за культурные мероприятия, за ту же одежду в городе», – сказал Михаил Подольский.

«Нельзя, потому что в таком случае он внесёт свою вибрацию. Есть такая особенность: если кто-то начинает формировать область какого-то творческого проявления и полностью за это отвечает, то, если выстроить всё по его предложениям, всё выстроится на уровне его вибраций.

Ведь он воспринимает только то, к чему он в данный момент созрел. Если все вы будете слушаться его, вы выстроитесь именно под его вибрацию. И чем дольше он будет накладывать эту вибрацию, тем больше будет препятствовать вашему развитию.

Если Я где-то вмешиваюсь в архитектуру, Я разрешаю то, что наиболее соответствует какой-то особой атмосферой. Я не просто гово-

рю, что это – красиво, а это – некрасиво; Я выбираю то, что по линиям наиболее соответствует и создаёт одну атмосферу. Всё, что Я отберу, в целом создаёт определённую вибрацию, и она будет по-своему формировать.

В культурной части, в творчестве вы можете выслушивать мнения друг друга, но дальше вы сами прилагаете активные усилия, чтобы формироваться, менять свой взгляд; выслушивать взгляд ближнего, взвешивать внутри и приходиться к какому-то совсем новому выводу.

И уже этот вывод вы должны проявлять активно проявить. Проявив его, вы вскоре увидите его недостатки. И остаётся только сделать ещё лучше произведение.

Так вы быстро начнёте формироваться. Вы должны обязательно придавать внимание анализу любой такой подсказки...»

(П.З.48.2:201-213)

«...Ибо выращиваем пищу – она душе не нужна, она нужна телу; шьём одежду – она нужна телу, но она не нужна душе; строим дом – так он нужен телу, он не нужен душе. Единственное, если касается произведения искусства, – это то, что уже играет роль для души, несёт краску в душу, приносит какие-то интересные оттенки, которые вы принимаете с благодарностью; хотя сами произведения искусства часто нужны для вашего тела.

То есть всё ремесло нужно для тела. Это не просто побрякушка, которую вы поставили и забыли про неё: вроде бы есть, вроде бы нет. Ремесло – это то, что создаёт на уровне произведения искусства то, чем вы пользуетесь каждый день, но опять же не для души, а для тела.

Ложка, красиво вырезанная, подкова, удачно скованная, то есть много-много таких элементов, нужных телу, но не нужных душе. Хотя то, как они сделаны, –

это уже будет связано с вашей душой, это несёт туда краски.

Надо уметь это различать; различать то скрытое, что прячется, но даже не просто прячется, оно естественно становится невидимым для грубого зрения. Но оно бок о бок существует с вашими внешними проявлениями, с теми законами, которые видимы, но на самом деле не относятся к вашей душе. А вот то, что рядом с ними бок о бок находится и не видимо, оно-то как раз относится к душе. Именно вот это невидимое надо сейчас внимательно рассмотреть.

А это умеет и должен сделать только человек, потому что рассматривать вам придётся не просто грубым зрением, а через весь комплекс ваших ощущений, понимания этих ощущений, анализ этих ощущений, где будет помогать вам голова.

Вы будете учиться правильно понимать и рассматривать ваш внутренний мир, чтобы избавиться от того, что тамросло за долгое время, когда это всё хранилось без присмотра и за долгое время это всё поросло бурьяном, колючим кустарником; и настолько уже заросло, что просто непроходимо.

И всё это надо сейчас выкашивать, вспахивать, удалять все сорняки, которых там бесчисленное множество появилось. Это труд сейчас гигантский, но это единственный труд, чтобы стать человеком. Другого пути нет».

(П.З.48.45:108-114)

«Будьте внимательны, очень-очень бдительны сейчас. Время у вас серьёзное. Но и не забывайте о праздниках. Конечно же, праздники большую роль играют в вашей жизни. Неверно будет сказать, что это основа жизни, но они могут играть большую роль.

Потому что в этот момент вы больше собираетесь вместе, вы вместе пробуете объединить усилия в славлении Бога, в чём-то красивом, интересном. И вы сами пос-

ле этого чувствуете, как хорошо, что вы вместе собрались.

Но так в этом уже заключено что-то очень большое, что играет важную роль в вашей жизни. Поэтому, несмотря на тот экзамен, который сейчас у вас возник, где Я встречаю разные соблазны, вы должны будете уметь помочь друг другу, встряхнуть друг друга. Вы должны будете улыбаться, вы должны будете торжествовать какие-то шаги в своей жизни и вместе радоваться, проявляясь в искусствах, умении красиво петь, умении танцевать, умении делать ещё многое и многое.

И соприкоснувшийся с этим тоже обязательно улыбнётся. У него если и появятся слёзы, то слёзы радости оттого, что он с этим соприкоснулся. Такие слёзы допустимы. Это будет торжествовать его дух, что он это увидел.

Вот это вы и должны творить, научиться это творить. И должны помнить, что каждое ваше творение, как живое самостоятельное существо, начинает жить, поэтому вы должны вдохнуть туда дух жизни, который даёт развитие, именно развитие. Значит, тут должны быть радость, ваша любовь, ибо в этом заключено таинство развития.

Если вы радуетесь, если вы любите, значит, вы живёте. Так устремитесь и радоваться, и любить, но умейте разбираться во всём. Умейте терпеть, конечно же, очень много сейчас особенно, потому что пока ещё жизнь не гармонична. Она пока сопряжена у вас со многими, многими трудностями».

(П.З.411.8:72-77)

«Могу ошибаться, но вижу стереотипы прошлых отношений между людьми, занятыми в производстве материальных благ, и теми, кто занят в искусстве. Например, музыкантов считают бездельниками. Предполагаю, что это происходит по незнанию первых, что музыка и другие искусства – это тоже большой и очень кропотливый труд. Объяснить это сложно. Что делать, терпеть дальше или пытаться объяснить?»

«Да, в этом смысле действительно стереотипы, возникшие в обществе, продолжают играть неприятную роль. Действительно, музыкантов ли, художников, кто берется за познание произведений искусства и пытается на этом поприще реали-

зоваться, творя аналогичные произведения, претендующие на то, что это могут быть произведения действительно искусства, в этом смысле этих людей действительно считают многие по невежеству своему бездельниками.

Это важная сфера проявлений жизненных в жизни человеческого общества. Поэзия, которая призвана выражаться через произведения искусства, играет очень большую вспомогательную роль. Она приносит важные краски, которые порой самому человеку для себя создать очень сложно.

То есть ваше воображение играет эту роль. В зависимости от того, насколько вы развиты, вы можете сами себе дополнительно рисовать какие-то внутри себя картины, вдохновляя себя, радуясь дополнительно какой-то иллюзии, которую вы создали. И немножко через это вы даже отдохнули, создав ее, посмеявшись над этой иллюзией, над картинами, которые вы внутри себя создаете.

Но на данный момент вы находитесь в состоянии, когда воображение, чувственный мир ваш, фантазия находятся настолько в закрытом состоянии, настолько в примитивном состоянии. Когда вы начинаете очень нуждаться в образах, которые способен явить тот, кто действительно имеет такие возможности явить образы, призванные вам помочь, призванные повести вас, облагородить ваш чувственный мир, дать вам почувствовать что-то особенное, через что вы начинаете испытывать дополнительное вдохновение к труду, к творчеству.

Когда, соприкоснувшись с произведениями тех или иных мастеров, вы начинаете испытывать, что вы отдыхаете, что как будто бы что-то незримое наполняет вас, и вам становится светло, легко, снимается какая-то тяжесть психологическая, возникающая у вас к этому моменту.

У вас возникает воспитание видения какого-то, которое до сих пор вы не имели, а тут вы удивились и обрели это видение. Вы стали по-другому смотреть на что-то, чего раньше не замечали.

Вы испытываете именно вдохновение, когда, посмотрев что-то, соприкоснувшись с каким-то произведением искусства, испытываете сильнейшую жажду тут же бежать в свою мастерскую и начинать творить что-то прекрасное.

Это очень важный момент, вдохновляющий вашу жизнь, ваши жизненные проявления. Поэтому произведения искусства играют большую роль, очень большую».

(П.З.412.8:314-322)

«...Так вот, главное предназначение человека – творить. А значит, умение выразить свою любовь через руки свои очень важно; не через станки – через руки свои очень важно.

И количество посредников между руками и творением желательного сводить к минимуму. Здесь важно как можно более плотное прикосновение самого человека к своему творению. И вот тут он обладает уникальной возможностью видоизменять очень сильно это пространство.

Вот это главная стезя человека.

Поэтому в развитии искусства очень важную роль надо отвести формированию человека».

(П.3.413.8:201-203)

«Сейчас начинается эпоха созиданий. Это связано с вашим творческим проявлением. Искусство, в котором вам предстоит формироваться, стоит на одном из главных мест в вашей жизни. И в этом направлении уже пора начинать прилагать первые серьезные усилия.

Творческая атмосфера в вашей жизни сейчас начнёт играть большую роль. Ибо духовная сторона – это не та сторона, о которой вы всё время должны будете говорить, она должна перерасти в ваше естество. Когда вы, не говоря о ней, не нарушаете эти законы, ибо всем своим существом вы всегда их трепетно исполняете. А внешне вы проявляетесь прежде всего в творчестве.

Искусство должно ставиться только на очень серьёзную ступень, очень высокую ступень. Мы будем отбрасывать всё то, что возникло на древе искусства за эти последние времена как что-то модное, сугубо индивидуальное. Это всё мишура, которая может лишь временно проявляться в хаотически развивающемся обществе. Но дальше она должна закончить такое бурное проявление.

Искусство должно быть чистым, достойным. В искусстве верующего человека заключена созидательная цель. И выполнено произведение может быть только на уровне реальной жизни, которая есть вокруг вас, то есть используя методы, законы окружающей вас жизни. Тогда произведение становится убедительным, в него всегда веришь. Даже если в произведении изображено что-то необычное, ты начинаешь верить, ибо ты видишь жизнь.

Любое, к чему прикасаются руки человека, должно жить и должно быть неповторимым, чудесным, красивым».

(П.3.48.2:48-52)

«Архитектура – это тоже вид искусства?»

«В общем-то, да, это – линия. Мы говорим о линии. Чем угодно задаётся линия, объёмы задаются... и каждая линия создаёт вибрацию, волнующую психику человека».

«Здесь к чему стремиться – в архитектуру?»

«Чем чище будет архитектор внутри себя, чем спокойней, чем радостней, чем меньше зависти, меньше страха, тем красивей он сам сделает всё. Он не сможет создавать линии, которые соответствуют страху. Он их сам уберёт».

«*Есть момент такой. Ты говоришь, что передвижники – хороший ориентир для нас, но передвижники очень много работали и очень много упражнялись*».

«Если мы говорим о произведении высокого уровня, то, конечно, тренировка должна быть большая. Всё зависит от того, какого уровня произведение ты хочешь сотворить. Если высокого уровня – тогда не ленись».

«*Можно усилием воли заставить себя тренироваться?*»

«Технически себя тренировать нередко приходится усилием воли. Ведь ты же себя заставляешь сделать то, что тебе не удаётся сделать, а это расстраивает: не хочется делать так, хочется сделать лучше, оно опять не получается, падает настроение... И нужно усилие воли, чтобы продолжать это делать».

Поэтому только лишь со временем ты начнёшь радоваться тому, что делаешь, и уже, радуясь, начнёшь сам себя вдохновлять: «Ух, ты, получилось!» И внутри чувствуешь подъём сил, хочется сделать ещё больше».

Но это на определённом этапе ты начнёшь себя радовать. Пока критический, придирчивый взгляд есть и пока многое не удаётся, будет очень многое расстраивать, произведение захочется выкинуть в печку...

И как бы кому это ни нравилось, если у тебя это неудовлетворение есть сверх допустимой нормы, ты обязательно произведение выбросишь. Ты не отдашь его никому, даже если оно кому-то нравится».

(П.3.414.3:409-419)

«Но Я сейчас касаюсь того, что здесь прежде, конечно, важна правдивость и понятность для зрителя. Не просто игра собственная, когда просто играешь, любишься, а когда ты созидает. Но если созидает, то во имя чего-то. А когда играешь – просто играешь. Нельзя сказать: я играю во имя чего-то. Просто играю, просто мне нравится играть».

Создаем же – для чего-то. Просто так созидать нельзя. Если про-

сто созидает, это значит беспорядочно что-то скручиваешь: а вдруг что-нибудь получится? Созидает – значит, для чего-то».

Сразу открывается целый комплекс понимания: для чего, что ты желаешь сделать, как ты видишь это нужно сделать, чтобы именно этого достичь. То есть начинают размышления идти гораздо глубже. Вот тут уже произведение начинает отличаться».

Поэтому, конечно же, желательно, чтобы это было понятно, чтобы не надо было, подойдя к произведению, думать, что здесь есть. Цветовые пятна?.. Да, приятно видеть цветовые пятна. Каждому светло мыслящему человеку пятна на холсте покажутся приятными, потому что художник передал приятное своё состояние, он и цвета выберет приятные. Сложное состояние – он более мрачные выберет цвета...

Но для чего? Ну, показать состояние можно: вот есть приятные цвета... И что, что они есть? Можно просто тюбики собрать красивые, с хорошими цветами, чистыми, без смешивания, открыл крышечки – какие-то фиолетовые, какие-то розовые тона... Смотреть просто на тюбики можно, не обязательно это наносить на холст».

(П.3.414.3:140-144)

«*Ты сейчас говорил, что художник рисует, рисует... а дальше всё зависит от глубины художника. Что Ты имеешь в виду под этим?*»

«Чем глобальней видит художник окружающую реальность, тем больший смысл он вообще способен заложить в произведение. То есть он может глубже поколебать какие-то внутренние психические качества зрителя, который к этому будет прикасаться».

«*От чего это зависит?*»

«От зрелости».

«*Опыт души?*»

«Да. Человек постоянно будет развиваться. Сегодня он способен, допустим, какую-то одну глубину задеть, в другой раз он может какую-то другую глубину задеть, ещё более того».

Ведь всё зависит ещё и от технического умения. Можно переживать глубоко, но не суметь это выразить или выразить недостаточно полно, узковато. И пока это умение, собственно, чаще бывает недостаточным... Надо работать, работать и работать».

«То есть ты имеешь в виду, что это нарабатывается в практике?»

«Только в практике, конечно. И духовный мир изменяется опять же в практике: как ты взаимоотношения выстраиваешь с ближними, с окружающим миром... А техническая сторона – в практике постоянной работы, когда ты постоянно работаешь, не ленишься. Тем более в изобразительном искусстве работать надо регулярно, обязательно, конечно, рисовать».

«Получается, что каждое направление в искусстве, каждый стиль – это то же самое, что в религиях, да? Какой-то ближе к истинной, так скажем, вере, а какой-то дальше?»

«По-другому – какой-то больше передает правду, какой-то меньше. Ведь у нас же каждая вера различается только тем, в какой степени она передает истину. Они могут всё передавать неправильно, но у кого-то истина ближе, у кого-то чуть дальше, а у кого-то ещё больше ошибок в понимании реальности. Они все по-своему красивые, но эту разную степень приближенности к истине они уже имеют.

Поэтому правдивость изображения немаловажна. Она позволяет человеку, воспринимающему это произведение, гораздо точнее воспринять мир художника.

Ведь если художник желает передать свою радость как-то, может быть, даже чему-то и научить – это тоже не исключается. Потому что если его видение, его понимание, его переживания действительно несут какую-то большую высоту, то научить других – это вполне нормально. Подтянуть вкус другого человека, ощущения, переживания ближнего до этой вершины – это очень интересно».

(П.З. 414.3:168-180)

««Духовный путь и искусство» – так называется выставка. Можно ли назвать это направлением в искусстве?»

«Вы прекрасно знаете, что каждый человек по-своему, индивидуально воспринимает окружающую реальность. Нет одинаковых людей в восприятии того, что они видят вокруг себя, с чем соприкасаются каждый день своей жизни.

Так же и любой художник – как бы ни воспитывала его та или иная школа – не будет видеть мир одинаково с другими; он по-прежнему будет видеть мир так, как его ес-

тественные, индивидуальные чувственные качества внутреннего мира могут преломлять окружающую реальность. И это преломление будет неповторимо.

Искусством нельзя удовлетворить всех одинаково. Нельзя будет добиться того, чтобы кто-то из художников удовлетворил всех одинаково. И искусство не должно преследовать такую цель.

Но когда мы говорим об индивидуальном восприятии реальности художником, который впоследствии желает как-то это запечатлеть, то, конечно же, очень важно, чтобы внутренний мир художника обязательно базировался на духовном становлении, чтобы художник следовал законам Истины, Божественным законам.

Тогда его внутренний мир будет гармоничен, не будет переполнен какими-то суетными волнениями, которые заставляют его переживать о том, о чём не следовало бы переживать желающему сотворить что-то красивое.

Ибо, чем больше человек в суете мира материальных ценностей беспокоится об этих ценностях, тем сложнее ему будет сотворить что-то хорошее.

В таком случае человек проявляет себя очень беспокойным, и если позволить ему сделать что-то особенное, где надо спокойно подойти к созиданию, то это станет для него большой трудностью: ему захочется очень быстро это сделать, движения будут резкими, нетерпеливыми... Но тогда сделать что-то мягкое, нежное ему будет крайне трудно.

И в основном в искусстве вы можете это наблюдать. Видно, что многие работы переполнены большой неуравновешенностью, то есть человек очень спокоен: ему надо делать очень быстро, суетно, и он делает не до конца красивым то, что пробует сделать.

Так что формироваться духовно художник, можно даже сказать, обязан. Потому что, пробуя созидать что-то своими руками, он неизбежно вкладывает вибрации своего внутреннего мира в произведение и дальше предлагает прикоснуться к этому всем остальным.

И если сам художник, будучи, может быть, неплохим мастером (он может красиво запечатлеть линии, цвета), внутренне агрессивен, обеспокоен какими-то измененными переживаниями, то он неиз-

бежно запечатлит это в своих произведениях, хочет он того или нет.

И тогда, проходя по выставке, где может быть множество таких работ, вы можете почувствовать большую-большую усталость, тяжесть внутри. А это передаётся энергия того мастера, который запечатлевает тот или иной образ на своём полотне...

Поэтому, если уж человек – представитель той части общества, которая стремится созидать что-то красивое и делиться этим красивым с ближними, то, конечно, ему крайне важно очень внимательно отнестись к своему духовному становлению.

И соответственно, чем чище человек будет внутри, тем своеобразнее он будет видеть окружающую реальность.

Вы сами можете заметить: в зависимости от своего настроения вы по-разному обращаете внимание на те или иные предметы, окружающие вас, или природу, которая вас окружает.

Вы в какой-то момент можете совсем ничего не замечать, если погружены в какие-то сложные переживания. Но когда вы в радостном состоянии, вы можете обратить внимание на такие простые вещи: где-то стрекоза на что-то села, пчёлка куда-то полетела... вдруг внезапно увидели как что-то важное какой-то цветочек, который раньше совсем не замечали, что удивило и очень обрадовало вас.

То есть в зависимости от того, в каком вы настроении находитесь, вы по-разному видите ту же самую реальность, которая всех вас как будто бы одинаково окружает.

Поэтому, конечно же, развиваясь духовно, художник будет особенно видеть окружающий мир. Он будет, по мере развития, с каждым разом и глубже и шире видеть эту красоту. И у него будет больше возможностей как-то особенно её запечатлеть.

Так что духовное развитие должно быть неотъемлемой частью в становлении человека. И если мы говорим, что общество обязательно должно развиваться в творческих областях, в искусствах, то нужно, чтобы это обязательно происходило взаимосвязано с духовным развитием, нужно подвести духовную основу под всё творчество.

А духовная основа – это то, что меняет человека. А меняясь, человек будет по-новому, гармоничнее, созидать красивое...»

(П.З. 415.12:86-105)

Игорь Гончаров: «Галерея поможет объединиться всем творческим людям общины!»

С Игорем Гончаровым многие уже знакомы. Талантливый художник, активно участвующий в организации передвижных выставок «Духовный путь и Искусство», человек, имеющий большой опыт творческой деятельности в разных направлениях и неравнодушный к развитию этих направлений в общине, где проживает вместе с семьёй с 2002-го года.

Сегодняшняя беседа – обращение к прошлому и настоящему Игоря Гончарова как художника.

Как он начинал свою выставочную деятельность? Как формировался его «фирменный» стиль в живописи? Как он познакомился с Виссарионом? Как проходят выставки сегодня? На эти и многие другие вопросы Игорь ответил в интервью нашему корреспонденту...

– Игорь, расскажи, как складывался твой творческий путь? Ведь ко времени знакомства с Учителем ты был уже состоявшимся художником?..

– В какой-то степени моя творческая биография схожа с биографией Учителя. Потому, что основные этапы творческого пути мы проходили примерно в одно и то же время, и были похожие ситуации.

После окончания Свердловского архитектурного института у меня была большая жажда к занятиям живописью, поэтому всё своё свободное время я использовал на работу в этом направлении (на этюды, зарисовки). Я готов был заниматься этим круглосуточно.

– Параллельно у тебя была ещё и официальная работа?

– Да, я работал по распределению на заводе. Был художником, архитектором, дизайнером в одном лице. И поскольку у меня был полный рабочий день, живописью я мог заниматься только вечером или ночью. Вскоре меня перестало устраивать такое положение вещей, поэтому я оставил эту работу и устроился преподавателем в Челябинскую детскую школу искусств, потому что там было три рабочих дня в неделю и, соответственно, четыре выходных. У меня появилось целых четыре свободных дня для занятия живописью! И для меня это было по тем временам очень удобно. Ведь если бы я только рисовал, не занимаясь общественно-полезным трудом, то в

той социалистической действительности считался бы тунеядцем. По такой же причине Учитель в своё время оказался работником милиции – удобный график работы, чтобы хватало времени на живопись.

– Значит, в ту пору такая позиция была чуть ли не единственной возможностью реализовать свою творческую индивидуальность?

– Выходит, что так. Неслучайно ведь очень многие творческие люди работали дворниками, по утрам мели улицы, а после брались за любимое дело. Тогда это было достаточно распространённым явлением.

– Тебе, можно сказать, повезло, ведь в школе искусств ты всё же соприкасался с рисунком?

– Да, в какой-то мере прикасался, но больше моя работа была связана с детьми. Там я работал педагогом, а не художником.

– Сколько ты там проработал?

– Почти три года. Но мне так и не удалось выпустить свой класс. Началась перестройка, и вся привычная реальность перевернулась с ног на голову. Для творческих людей это был очень яркий период, потому что снялись все запреты и весь «андеграунд» вылез на поверхность. Художники таких направлений, как абстракционизм, кубизм, сюрреализм (и всяких других «измов»), которые ранее были в гонении, наконец, почувствовали свободу. Поднялась волна выставок – все спешили показать народу то, что раньше прятали по подвалам. Поэтому потребо-

валось ещё несколько лет, чтобы все «наелись» этого «искусства».

– А ты чем занимался в этот период?

– Можно сказать, я был в поиске. Много работал, пробовал себя в разных течениях. Но написав одну картину, например, в стиле кубистов, я понимал, что для меня этот стиль уже исчерпан, поэтому надолго в экспериментальных направлениях я не задержался. Одно время мне очень нравился Модильяни, я пробовал писать в его манере. Единственное, что не пробовал, так это сюрреализм. Всякие «членистоглазые» объекты всегда вызывали у меня чувство естественного отвращения (смеётся). А вообще, этот период прошёл у меня довольно быстро. И я стал больше сосредотачиваться на собственных идеях, сюжетах...

– У тебя не было дефицита в идеях?

– Нет, не было. Не хватало мастерства. В принципе, художник-профессионал отличается от непрофессионала тем, что умеет быстро и точно реализовывать свои идеи. Он выигрывает за счёт того, что хорошо разбирается в материалах: красках, пропорциях. Он не тратит долгое время на подбор красок, а уверенно смешивает цвета для получения необходимого эффекта. Идеи-то, как правило, у художников есть всегда (зачастую весьма глобальные), а вот умение материализовывать эти идеи нужно нарабатывать кропотливым трудом.

– **А свой стиль в живописи ты давал нарабатал?**

– Достаточно давно. Даже успешно появились такие понятия, как «стиль Гончарова».

– **Ты сказал, что после перестройки стали часто проходить выставки художников. Ты тоже выставял свои картины?**

– Да. Для меня это было очень интересно и даже волнительно. Это сейчас я привык к атмосфере выставок, а тогда всё было новым, необычным. Нестандартно мыслящим художникам предоставляли зал, они принесли туда по две-три работы, был отбор картин для выставки, потом журналисты брали у нас, художников, интервью, и нужно было придумать какие-то умные слова, рассказать своё творческое кредо (а его толком и не было никакого), поэтому всё это выглядело таким сложным и волнующим (*смеётся*).

– **Ты делал персональные выставки?**

– Сначала мы выставялись группой и назывались ТХЭН – Товарищество Художников Экспериментальных Направлений. В это товарищество входило более десятка разных художников, которые активно пытались проявить себя в творчестве. Персональные выставки я стал делать позже, когда увидел, что это востребовано.

– **Какова была тематика твоих выставок?**

– Натюрморт, пластика. Пейзаж был, но тогда ещё немного. До пейзажа я дозрел позже.

– **К этому моменту ты полностью переключился на занятая живописью?**

– Да, уже можно было «тунеядствовать» (*смеётся*). Только теперь это стало называться «свободный художник». Я действительно жил за счёт продажи своих картин. Делал персональные выставки в Челябинске.

– **Выставки ты организовывал самостоятельно?**

– И сам, и друзья, конечно, помогали. Среди них было много нестандартно мыслящих людей, и однажды они предложили мне сделать презентацию выставки (тогда было модно устраивать презентации чего-либо). Я откликнулся на эту идею и сделал такую презентацию. Был фуршет, туда пришли различные деятели искусства, поэты читали стихи, выступал танцевальный коллектив, экспериментальный музыкальный ансамбль играл «живьём», так что атмосфера была интересная. К тому же, в процессе этого веселья активно покупались картины. Потом это событие широ-

ко освещалось в средствах массовой информации. Были хорошие отзывы, а были и такие, кто говорил, что «искусство не должно превращаться в аквариум изыска и роскоши». То есть у кого-то даже такое сложилось впечатление.

Конечно, такие мероприятия проводились нечасто, но если уж были, то я всегда старался провести их интересно, благодаря чему у меня появлялось много новых друзей. Возможности расширялись, и однажды я смог отвезти выставку в Москву, где её посетило немало известных людей, а потом и за границу – в Амстердам, где у меня купили почти все картины, в Нью-Йорк, где в роли художника принимал участие в театральной постановке.

– **Получается, что перед встречей с Учителем ты вёл активный образ жизни в творческих слоях общества... Но, видимо, были какие-то размышления, так сказать, о смысле жизни?**

– Естественно. Сказывалось воспитание: у меня была верующая бабушка, которая даже больше, чем родители, смогла вложить в меня многие важные ориентиры, связанные с верой.

Перед встречей с Учителем я пробовал читать эзотерическую литературу, но никогда не дочитывал до конца – чувствовал, что это не моё. Поэтому сказать, что познал какие-то учения, не могу.

– **А в творчестве, в подходе к живописи на что ты опирался, не зная Истины?**

– Были определённые ощущения, которые не позволяли перейти ту грань, которую можно было назвать неэтичной, бездуховной или разрушающей. Я чувствовал, что из картин должно исходить нечто положительное, что будет нравиться, что я сам бы захотел иметь в своём доме.

В этом смысле мне не стыдно ни за одну из картин, что я написал.

– **У тебя не бывает перепадов настроения?**

– Бывает, конечно. Жизнь всегда наполнена всякими ситуациями: и положительными, и не очень... Но интуитивно я всегда чувствовал, что необходимо бережно относиться к своей работе, чтобы какие-то переживания не отразились на творчестве.

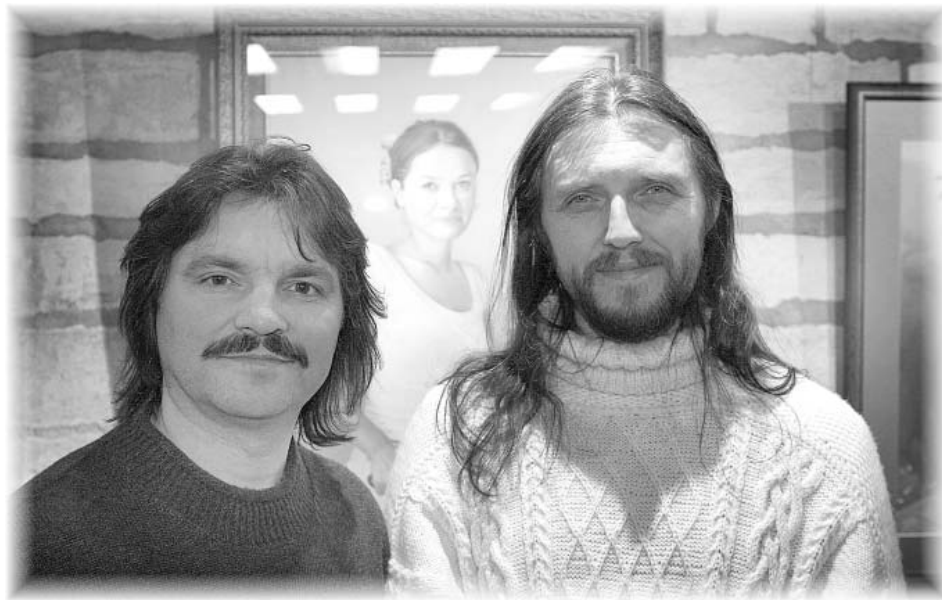
– **Как ты познакомился с Учителем?**

– Ко мне в Челябинск приехали ребята, чтобы напечатать репродукции картин Учителя. Насколько я знаю, у них были варианты: сделать это в Москве, в Питере, но, в конечном итоге, обратились ко мне.

– **А ты ещё и репродукциями занимался?**

– Да, в определённый период времени я занялся репродукциями и багетом. Во-первых, мне стало жалко продавать свои работы, а во-вторых, я понял, что красивое оформление работы в раму имеет большое значение. А багет в нашем городе был большим дефицитом. Тогда я продал квартиру, взял дополнительный кредит в залог своих же работ и вложил средства в багетную мастерскую: купил станки, арендовал помещение. Я не делал никакого бизнес-плана, никаких расчётов предполагаемого дохода, как это принято в деловых кругах, а просто, как художник, шёл на эксперимент. Однако дело пошло, и через два года я рассчитался с кредитом, забрал свои картины.

Это, кстати, был необычный случай, когда кредит дали под залог живописных работ. Значит, директор банка был уверен, что они чего-то стоят. Даже предлагал мне впоследствии взять ещё один кредит, но не забирать картины.

На выставке в Манеже вместе с членами жюри

Со временем я приобрёл новое оборудование, позволяющее делать качественные репродукции картин на холсте. Конечно, это дело не приносило мне такого дохода, как могла бы давать подобная фирма в Петербурге или Москве, но у меня появилось хобби, и хобби очень полезное, потому что в любой момент я мог сделать такую раму, какую захочу. К тому же, как выяснилось позже, хобби совсем неслучайное, раз послужило поводом для ребят из общины обратиться именно ко мне. Так я познакомился с Колей Онищенко, который и рассказал мне об Учителе и о происходящем в Сибири. А через какое-то время, зимой 2002-го года, нас пригласили на Рождество, мы приехали, и 18 января состоялась встреча с самим Учителем. Мы общались часов пять или шесть, но время пролетело незаметно. Встреча была незабываемая. После этого мы стали дожидаться лета, чтобы приехать и осмотреться, потому что приняли решение жить здесь, в общине.

– Тебе легко дался этот шаг?

– Знаешь, это действие шло не от головы. Даже когда поначалу возникали какие-то сомнения, я старался отключать привычную логику. Больше опирался на внутренние ощущения, и в итоге всё было нормально.

– А каким образом развернулась ваша с Учителем совместная выставочная деятельность? Кому принадлежала идея проведения передвижных выставок «Духовный путь и искусство»?

– Это была инициатива Учителя, на которую я с радостью откликнулся. Ведь выставка – это всегда некий обмен энергиями со зрителями. У художника появляются дополнительные силы для творчества, когда он видит положительную реак-

цию на свои работы. Да и у тех, кто смотрит картины, также происходит прилив вдохновения: кто-то начинает писать стихи, кто-то петь, кто-то бежит в магазин и покупает краски с кисточками, кто-то вообще меняет своё мировоззрение в плане отношения к творчеству и к жизни.

– Мартовская выставка в Москве была самым крупным из тех мероприятий, где вы принимали участие?

– Да, и самым значимым. Ведь это была всероссийская выставка-конкурс, в которой принимали участие более шестисот художников, в том числе такие мэтры, как Зураб Церетели, Никас Сафронов.

– Тебе понравились работы мэтров?

– В современном искусстве понятие «известность» не всегда зависит от качества работ художника. На выставке было немало картин неизвестных авторов, у которых действительно было чему поучиться.

– Ваши работы отметили специалисты. Этот факт как-то повлиял на вашу дальнейшую деятельность?

– Конечно! Теперь мы ходим с высоко задранными носами и смотрим на других художников сверху вниз (смеётся)! А на самом деле это немаловажный этап в творчестве, когда работы оценивают профессионалы высокого уровня, способные глядеть объективно.

– К вам поступали какие-либо предложения о сотрудничестве от организаторов выставки?

– Дело в том, что любое предложение подразумевает некую зависимость от тех людей (ведь наверняка у них будут свои условия), а для нас это не очень удобно. Мы стараемся выставлять работы там, где их хотят посмотреть, там, куда нас приглашают.

– То есть ваш подход к организации выставки отличается от того, что принято в миру?

– Да. У нас другие цели и задачи, не относящиеся к самообогащению или саморекламе. Благодаря тому, что наши картины не продаются, мы смогли провести пятнадцать выставок в разных городах за очень короткий промежуток времени. Для художников, которые делают выставки для реализации своих работ, двигаться в таком темпе крайне сложно.

– В дальнейшем вы планируете также активно продолжать выставочную деятельность?

– Приглашений много, но для того, чтобы выставка состоялась, надо многое согласовать. Приглашающей стороне нужно собрать необходимые средства для перевозки картин, аренды зала. Для них это получается благотворительной акцией, ведь сама выставка проходит бесплатно и не даёт никакой прибыли организаторам (бесплатных мероприятий такого масштаба сейчас проходит очень немного). Поэтому такое мероприятие не так просто организовать.

Например, дорога в Алматы вместе с картинами заняла у нас больше времени, чем сама выставка. Да и сам режим проведения выставки отнимает много сил. Так, к примеру, в Самаре выставка открывалась в десять часов утра (мы, естественно, приходили пораньше), а закрывалась поздно вечером, потому что проходила в Доме Актера, где параллельно шло много интересных мероприятий, и люди расходились только в десять, в одиннадцать часов вечера. У нас не было возможности даже познакомиться с городом. Мы всё время были на выставке, а там: общение и ещё раз общение... Я стал понимать Учителя, каково ему столько времени проводить в общении с людьми, потому что нагрузка идёт колоссальная. У зрителей возникает очень много вопросов о том, кто мы, откуда, как живём и так далее.

– Игорь, скажи, твой подход к творчеству изменился после знакомства с Учителем?

– Скажу так: я стал подходить к своей работе ответственнее и глубже. А само направление кардинально не поменялось. Может быть, стало больше пейзажей, потому что, пребывая здесь, невозможно не переносить на холст впечатления от окружающей красоты.

– А у тебя не возникало желания попробовать себя в другой технике? Например, в пастели, как Учитель?

– Желание возникало. Но в то же время есть много сюжетов, кото-

рые я ещё не написал, поэтому менять технику и браться за пастель (пробовать, тренироваться, искать) мне бы сейчас не хотелось. Может, однажды будет и такой этап, когда я «с чистой совестью» возьмусь за пастель, не переживая, что что-то осталось недописанным в масле. У Учителя, видимо, такой этап уже наступил, поэтому он спокойно работает пастелью, несмотря на то, что многим нравятся Его работы маслом и наверняка они хотели бы увидеть новые. Вот правильный подход мастера.

– То есть художник рисует то, что близко ему самому, а не на потребу зрителя или заказчика?

– Да, да.

– Но многие художники наоборот – стараются определить спрос и рисовать то, что будет нравиться и покупаться. Как тебе удалось обыграть эту ситуацию?

– Я никогда не считал себя бизнесменом, способным зарабатывать деньги за счёт своего искусства. Изначально ставилась другая цель: сделать произведение, прежде всего, для постижения самого себя. А во-вторых, создать что-то интересное, такое, что можно было бы показать от чистого сердца, когда есть уверенность, что людям это нравится и они хотели бы это увидеть.

– А от Учителя звучат в твой адрес какие-нибудь подсказки, связанные с твоей манерой письма в живописи?

– Нет, это мы не обсуждаем. Учитель оставляет мне свободу выбора. Хотя, думаю, если бы я двигался кардинально в другом направлении, то вряд ли были бы совместные выставки. Самое главное – внутреннее состояние, которое хочет передать художник, а средства передачи, на мой взгляд, могут быть разными.

– Ты был одним из организаторов выставки общинных художников, которая проходила в рамках праздника 18 августа. Что можешь сказать об уровне наших ребят?

– У нас много хороших «крепких» художников без всяких званий, академических школ, хотя есть и такие, кто в своё время заканчивал подобные учебные заведения. На мой взгляд, нет задачи: всем стать художниками. Ведь для того, чтобы стать хорошим художником, нужно очень много учиться. Здесь сложно равняться только на Учителя, потому что Он – уникальный пример. Мало кто способен на такой темп, с которым Учитель развива-

ется в живописи. Обычно на это уходит десятилетия кропотливой работы. Конечно, надо стараться рисовать, надо учиться, но ведь это говорится Истиной не только для нас, но и для подрастающего поколения. Поэтому со временем, я надеюсь, здесь будет гораздо больше мастеров искусства, чем в мире.

– В общине есть энтузиасты, пробующие организовать обучение детей в этом направлении, но пока это единичные проявления. Как думаешь, с чем это связано?

– Такое сложно делать в одиночку. Это может нормально развиваться только на базе Единой Семьи, когда есть люди, занимающиеся этим постоянно, помещение, необходимая материальная база. Мы сейчас, хоть и потихоньку, но подходим к этому. Музыкальное обучение в Петропавловке, можно сказать, уже есть. Будет и художественное.

– В Писании есть образ, что должны быть галереи, в которых творческие люди смогут собираться, что-то обсуждать, делиться опытом. Каково твоё мнение по этому поводу?

– Я думаю, что должна быть постоянно действующая экспозиция, представляющая наших живописцев, графиков и скульпторов. Должен быть выставочный фонд работ наших мастеров. Если будет такой фонд (а не просто картины будут выставлены на продажу), то это может быть лицом и общины, и каждого автора в отдельности. Тогда люди будут приезжать сюда, чтобы посмотреть на работы, которые должны быть исполнены на уровне произведений искусства.

– Что, по-твоему, мешает нам предпринять активные шаги в сторону подобной экспозиции?

– Пока все изделия, независимо от их уровня, идут на продажу. Конечно, так мы ничего не соберём в экспозицию.

– Насколько я понимаю, создание общинной галереи никто не потянет в одиночку?

– Да, это должно быть общим делом. И, в первую очередь, сами мастера должны быть заинтересованы в этом. А уже все остальные, хозяйственный совет и Семья, могут только помогать, видя устремление мастеров.

Такого творческого потенциала, как здесь, у нас, я нигде не видел. Конечно, мы можем широко рекламировать наши возможности (есть сейчас и Интернет, и масса других источников информации), сюда могли бы ехать не только туристы, но и художники, фотографы, творческие люди со всего мира, а для этого надо создать материальную базу. И сделать это по силам только всем вместе.

– То есть, помимо развития собственных мастерских, мастерам ещё и надо вкладывать средства в общее дело?

– Конечно, иначе в чём будет объединение? Да, мастерская нужна, но хороших личных мастерских и в миру немало. А общее – это то, ради чего мы сюда и приехали, я так понимаю. Поэтому обязательно должно быть место, где люди увидят наше единство, наше творчество, которое и будет олицетворением такого понятия, как «Страна Мастеров». Радует то, что уже есть мастера, которые дозрели и откликнулись на идею создания такой экспозиции. Я очень надеюсь, что галерея поможет объединиться всем творческим людям общины.

Виктор ТИХОНОВ

Церемония награждения премии «Вера»

Легенда о Счастье

*Это прозаическое произведение взято из книги с одноимённым названием, которая включает в себя прозу и поэзию русских художников. Написал его **Василий Григорьевич Перов**, живописец, один из организаторов Товарищества передвижников.*

ном потому, что на картине ничего не было такого, о чём следовало сожалеть, а тем более грустить.

В соседней комнате внезапно послышался весёлый говор громких голосов и шум шагов. Спустя минуту в залу вошли развязно, весело смеясь, несколько человек. Видно было, что они не только знакомы со всем окружающим их, но даже и принадлежат к касте жрецов искусства. Это особенно бросалось в глаза по их небрежному отношению ко всем произведениям, мимо которых они проходили, делая иногда поверхностные замечания; в большинстве же только отмахивались рукой, как от чего-то, недостойного внимания. Вошедшие были, действительно, артисты: автор наделавшей шуму картины «Апофеоз»; пейзажист, только что продавший картину свою за несколько тысяч рублей; нескончаемо длинный архитектор, начинавший приобретать большую известность в постройках; актер, с успехом сыгравший Гамлета; композитор, симфония которого наделала шуму в последнем концерте; скульптор, получивший премию где-то за границей, и в заключение литератор, худой, длинный, с апломбом рассуждавший о том, чего никогда не знал и не видел. Все вошедшие были веселы, довольны своими успехами. Вступив шумно в зал, они как бы сконфузились, увидав там ещё оставшегося зрителя, который при их появлении медленно поднял голову и равнодушно оглядел их.

— Очень рад, господа, вас видеть! Пользуясь счастливым случаем, спешу поздравить и пожелать от души всех благ и успехов каждому из вас...

Когда поздравления и пожелания с обеих сторон были окончены, автор «Апофеоза» заговорил сконфуженно и робко:

— Вы рассматривали мою картину и, вероятно, сделали ей надлежащую оценку. Прошу вас, ска-

жите откровенно, не щадя меня, как вы её находите? Ваше мнение и ваше слово для всех нас дорого. Вы сами знаете, как мы любим, чтим и ценим ваши мнения и глубокие знания во всём, а тем более в искусстве.

— Вы задаёте мне трудную задачу, — проговорил старик глухо. — Вы просите честного, откровенного мнения, строгого суждения о картине. Это всё очень нелегко сказать в присутствии самого автора. Это ещё более нелегко потому, что мне не хочется огорчать вас в счастливейшие минуты вашей жизни, когда вас все хвалят, все вам рукоплещут.

Вы вполне счастливы теперь. Картина вполне хороша. Ею недаром восхищаются: в ней блестящие краски, талант и энергия. Но, простите мою откровенность, — в ней мало истинного искусства и той глубины чувства, которая нераздельна с живым искусством... Друг мой, в вашей картине мне бросилось в глаза, прежде всего, то, что вы перестали учиться, совершенствоваться. Перестали черпать искусство из жизни; оставили в стороне внутреннюю, моральную сторону, увлечшись одной только внешней стороной изображенного вами. Словом, ваша картина и ваше состояние духа как художника, представляет мне тот момент жизни человека, когда он остановился в росте физически; вы же остановились в развитии любви к идеалам. Другими словами: вы напоминаете мне тот период года, когда день если ещё не пошёл, то скоро пойдет на убыль. Вы не идёте более вперёд: вы разлюбили искусство, потому что не изучаете его; вы остановились на тех познаниях, которые приобрели не изучением, наблюдением или трудом, а просто — вашим талантом, вашим дарованием. И если вы не идёте вперёд, то, значит, двигаетесь назад: застоя в природе нет, движение во всём, везде и повсюду.

Художественная выставка в одной из мировых столиц была в самом разгаре. Огромная масса зрителей теснилась в залах, где красовалось много новых интересных картин. Это объяснялось тем, что в одной из зал стояла картина, о которой повсюду много говорили и писали. Она называлась «Апофеоз представителей искусства». На ней была изображена женщина, олицетворяющая Славу. Прекрасная, совсем нагая, она усердно раздавала лавровые венки любимцам публики, то есть артистам. Картина «Апофеоз» была колоссальна по размеру, блестяща по колориту и чрезвычайно эффектна по освещению. Публика теснилась перед ней, как озябшие люди толпятся у ярко пылающего костра.

В стороне от публики стоял старик. Он с большим любопытством рассматривал прославленную картину, насколько позволяли окружающие её. Облокотившись на толстую трость, забыв обо всём вокруг, он стоял без всякого движения, как статуя.

Последний час выставки кончился. Вскоре все вышли, кроме старика, продолжавшего стоять так же неподвижно и с таким же сосредоточенным вниманием рассматривать картину. Взор его становился печальнее и задумчивее. Во всей согнутой фигуре, а тем более в выражении лица его виднелась какая-то грусть, сожаление, даже тоска о чем-то непонятном, уже непонят-

Художник, познающий и любящий свое искусство, оставляет творения, которые переходят в потомство и долго там живут. Ваша же картина скоро умрёт, как роскошный цветок без тепла, света и твёрдой почвы.

Я уже сказал, – в картине вашей есть краски, т. е. колорит, но колорит, не взятый из природы, колорит не силы и правды, а скорее – какой-то разнеженности, так сказать, пикантности, заимствованной из модных картин, колорит, приятно ласкающий глаз и щекочущий чувственность, но совсем не действующий на высокие чувства.

В картине вашей есть рисунок, но рисунок, бьющий на красоту, на ловкость, но не строгий, уверенный и точный. Рисунком вашим вы желаете более раздражить, увлечь зрителя, чем выразить им изображенные вами характеры и типы.

Наконец, в вашей картине есть выражение и энергия, но выражение однообразное, – извините за прямоту, – шаблонное: все лица на вашей картине одними и теми же чертами выражают радость и величие, а также счастье и восторг. Это доказывает, что вы смотрите на воспроизведение этих лиц поверхностно, скользя по внешности их, не заглядывая отдельно в душу каждого вашего героя.

Глубокий художник тем и познается, что изучает, подмечает все эти особенности, а потому его произведение бессмертно, правдиво и жизненно.

Но всего печальнее видеть в вашей картине то, что фундамент её почерпнут не из жизни и любви к искусству, а из требований моды и довольно низменных вкусов публики, которые можно определить двумя словами: бессодержательность и эротичность. Та торная дорога, по которой, к сожалению, чаще всего идут артисты, никогда не ведёт к совершенствованию. На ней художник если не гибнет, то меняется на мелкую монету, идущую во всеобщее обращение.

Не увлекайтесь мизерной, не заслуживающей уважения славой. Слава такого рода рассеется быстро, как утренний туман, и после останется лишь сожаление о безвозвратно погубленном даровании. Судьба артистов, не изучающих жизни и жизненной правды, а увлекающихся первыми успехами и служащих вкусам публики, в конце концов, всегда печаль-

на. Преждевременная слава им застилает глаза: они уже не видят истины; но, опьяненные, они увлекаются желанием угождать толпе и её дурному, а чаще развращённому вкусу. Публика сначала их балует, нередко бросает им баснословные деньги и лавровые венки. Всё это – пока они в моде, пока они угождают ей или пока не наскучили, как игрушки, которые нетерпеливые дети ломают или швыряют в сор. Артист обязан развивать вкус публики, идти вперёд её, но не ходить за ней.

Посмотрите, ведь бывает, что некоторые стремятся на служение искусству! Это не из моды, а скорее по сознанию того высокого назначения, которое предстоит в будущем искусству. Позор артистам, сделавшим из него забаву и уронившим его настолько, что оно будет годно возбуждать только мелкие и грязные страстишки, но не высокие чувства души человеческой.

В заключение, если вы имеете ещё несколько свободных минут, – обратился старик к артистам, – то присядемте. Я вам расскажу по поводу нашего разговора одну татарскую легенду о счастье, которое покидает нередко артистов, отвыкших от серьёзного труда в пору их полной славы. Каждый артист должен знать её наизусть.

В бедном татарском майдане жил бездетный татарин со своей женой. Это были люди благочестивые и милосердные, насколько им позволяла их бедность. За их смирение и терпение Аллах уже на закате дней захотел утешить своих правоверных рабов и послал им в виде награды неожиданное счастье: престарелая татарка ощутила себя будущей матерью, о чём и объявила с восторгом своему мужу. Бедный татарин очень обрадовался. Супруги много говорили о будущем своем детище, благодарили Аллаха за его милость и решили так: если родится мальчик, то назвать его Разумом, если же девочка, то назвать её Счастьем. Настало время, и татарка благополучно сделалась матерью. Но вот в чём горе: родилась девочка, и к тому же совсем уродец. Это уродливое дитя имело рот, нос, а также всё остальное в надле-

жащей исправности, словом, как у всех правоверных, но у бедняжки не было глаз. Всплакнули татарин с татаркой о таком великом несчастье, но, несмотря на это, всё-таки назвали родившуюся Счастьем, так как дали в этом обет Аллаху.

Спустя несколько дней, когда татарка стала мыть новорожденную, то с удивлением заметила, что у девочки на самой макушке находится глаз. И глаз большой, настоящий, который бойко глядит и моргает, к тому же голубой и ясный, как безоблачное небо. Тогда-то родители, вполне убедившись, что дитя их видит, снова радовались и проливали слёзы благодарности.

Время, труд и убогая жизнь потекли своим чередом, а новорожденная девочка по имени Счастье быстро росла. Своим старикам девочка казалась красавицей. Они до того её любили, что никогда не расставались с ней и брали её повсюду, даже когда работали в поле. Там они сажали дочь в сторону, и тихая, молчаливая девочка сидела неподвижно, с любопытством смотря на бесконечное голубое небо, где живёт Аллах.

Наконец, Счастье выросла. Но кто возьмет безглазую и бедную девушку, хотя бы она и называлась Счастьем? К тому же Счастье была натура исключительная: она созерцала только небо, солнце, луну и звёзды. Она не видела ничего на земле, так как не могла наклонять головы, а также и сгибать спины, потому что позвоночный столб её совсем не гнулся. След-

ствие этого она видела только великое и бесконечное в высоте. Она не понимала, что такое труд, что такое горе, зависть, злоба, – всё земное ей было незнакомо. О добродетелях же и говорить нечего, потому что их и с двумя глазами во лбу не скоро увидишь. Итак, Счастье была чиста и непорочна, как ангел.

В эту пору у Счастья стали являться странные и новые для нее желания, а именно: ей вдруг почему-то непреодолимо захотелось кого-либо ласкать, кого-либо любить. Это тем более было странно, что она, как я уже сказал, не видала ни одного человека, в том числе даже своих родителей.

В один день, когда от томившей истомы Счастье не смогла сидеть спокойно близ работавших родителей, она встала и пошла, как ходят люди в лунатизме, инстинктивно, бессознательно. Она шла всё дальше и дальше, увлекаемая каким-то неясным желанием, а душа её была полна восторгами и стремлениями к любви. Вдруг она столкнулась с кем-то, преградившим ей дорогу. По инстинкту людей, идущих в темноте, она протянула вперед руки и схватила ими встретившегося человека. Человек этот был слепым от рождения. Звали его Случай. Он был юноша, пришедший в возраст мужа. Слепой Случай также инстинктивно обнял руками стан девушки.

– Кто ты? – спросила его Счастье.

– Я слепой Случай, – проговорил юноша.

– О нет, ты не Случай! Ты моя мечта, что волновала мою кровь и лишала меня покоя. Прижмись ко мне! Поцелуй меня крепче!

И Случай со Счастьем слились в долгий, горячий поцелуй!

Целый день пожилые родители искали свою дочь. Они нашли её на дороге, в объятиях слепого Случая. Очень сильно загрустили они о своём позоре, но дочь не бранили, а позже даже стали утешать своё дитя, которое только и говорило о слепом Случае. Старики старались успокоить себя надеждой на будущее – той надеждой, которой живут очень многие люди на белом свете.

Несколько месяцев спустя Счастье родила близнецов: мальчика

и девочку. Она поочередно поднимала их то одного, то другого кверху и таким образом любовалась своим единственным глазом на милых детей своих, держа их над головой. Жизнь её с того времени стала полна. Её душа, всегда парящая в высоте, теперь сосредотачивалась больше на детях. Она кормила их зараз, у той же груди они и спали постоянно. А она, счастливая, сидела и смотрела на солнце, звёзды, на бесконечное небо.

Но вот в один день поднялся небывалый шум: что-то гремело, неистово кричало и охало. Это был день, когда на их посёлок набежали гяуры, или неверные. Они пришли и зачем-то сожгли посёлок, а жителей, в том числе и младенцев, увели в плен. Бедная Счастье не могла понять, что происходит вокруг неё, но чувствовала сердцем

матери, что детям грозит опасность. Она громко звала детей, простирая руки, но всё было тщетно. Бедная мать порывисто бросилась вперёд, как бы желая догнать и схватить детей. Она не могла догадаться, что их украли, потому что не имела понятия о воровстве и других пороках людей: она всегда видела ясное небо, и душа её была так же светла и прозрачна. Из земного она знала одно только чувство беспредельной любви.

С тех пор и до настоящего времени бедная мать ходит повсюду и хватается всех, попавшихся ей, не разбирая пола, звания и возраста. Сперва она любовно берёт встречного на руки, и в этот момент земное счастье обовьёт его

– во всём тому человеку будет удача. А Счастье между тем медленно, трепеща от волнения и радости, поднимает кверху попавшегося человека, чтобы взглянуть на него: не её ли это пропавшее милое дитище. Но усмотрев, что это не её дитя, она отбрасывает в сторону поднятого.

Дело в том, что Счастье помнит своих детей такими, какими они были когда-то: чистыми, добрыми и невинными. И вдруг поднятый ею являет нечто другое – грязное, бессердечное, напитанное пороками, словно губка водой. Это вселяет ей инстинктивное отвращение, и она бросает поднятого ею человека, только что окружённого земной славой.

И так без конца мать проделывает это со всеми, кто ей встретится: будет то артист или генерал, купец или крестьянин, светская барыня или красивая актриса. И увернуться от неё человеку никак нельзя, так как она невидима для смертного.

До сих пор Счастье не может найти своих детей и не найдет их никогда. Ведь если бы и случилось ей встретить детей, то она их не узнает, потому что они уже изменились физически и нравственно.

Я кончил мою легенду. Простите старика за болтливость – его естественную слабость... Не увлекайтесь модой, глубоко изучайте жизнь, а главное, горите всей любовью к искусству. При этом условии вы никогда не будете покинуты Счастьем. А Счастье есть совершенство – и совершенство, быть может, только потому, что имеет единственный глаз на макушке, который устремлен постоянно в небо, где живет Бог.

P.S. от редакции: Почему мы решили упомянуть в нашей газете эту легенду? Ведь Учитель не раз говорил нам, что счастье мы лепим собственными руками. Возможно, приведённый Перовым образ не совсем точно отражает суть человеческого счастья, но, на наш взгляд, он достаточно ярко показывает необходимость критического взгляда на собственные шаги. Только истинное устремление к реализации божественной сути через творчество избавит человека от «сиюминутного» непостоянного счастья.